

Проанализировать, осудить, не допускать повторения

Геноцид и мировое сообщество

ВАЛЬТЕР ЛАКЕР
в прошлом директор
лондонского Института
современной истории;
недавно в свет вышла его
книга «Мой XX век»

Что касается амбициозных исследований и добрых советов по теме «геноцид», то недостатка в них нет. Тем не менее, до сих пор не было предложено внятных идей о том, как не допустить его в будущем. Одно лишь, кажется, ясно: определенных подвижек в этой сфере можно добиться за счет перераспределения ответственности с уровня ООН на уровень региональных организаций.

О геноциде за прошедшие годы было немало сказано и написано. Мы как никогда хорошо знаем его причины, а также обстоятельства, при которых он может произойти. И все же мы вряд ли сумели существенно продвинуться вперед в плане предотвращения таких преступлений. Больше, чем всеми другими случаями геноцида, мы занимались при этом проблематикой холокоста, то есть темой уничтожения европейских евреев — это не только самое масштабное и систематическое, но и, теперь уже можно сказать, лучше всего изученное массовое убийство людей в истории. Тем не менее, Германии потребовалось целое десятилетие, а другим странам еще гораздо больше времени, вплоть до середины 90-х годов прошлого столетия, для того чтобы начать широкую общественную дискуссию о холокосте. Такая сдержанность была характерна не только для арабских или управляемых коммунистами стран, где открытая дискуссия наталкивалась на политические барьеры. В демократических странах Запада поначалу тоже серьезно не занимались судьбой европейских евреев, потому что это воспринималось как нечто неприятное. К тому же послевоенная разруха и необходимость налаживать более или менее нормальную жизнь отодвигали все другие проблемы на второй план. Что же касается еврейских общин, то большинство евреев, выживших в войне, не хотели вспоминать о пережитом, да и слушать их никому не хотелось.

Запоздалая справедливость — отсутствие справедливости

Проработка темы холокоста началась на разных уровнях: кроме — несомненно, недостаточной — попытки возмещения ущерба речь шла о юридической оценке и историческом исследовании преступлений. Все эти аспекты были связаны с серьезными трудностями. Некоторые преступники были арестованы и осуждены непосредственно после войны. Но хотя уничтожение евреев Европы было далеко не первым геноцидом в истории, в международном праве отсутствовал соответствующий состав преступления. Исходя из принципа «*nulla poena sine lege*» (без закона нет наказания), возможным было «лишь» наказание за военные преступления. Только в 1951 году вступила в силу Конвенция ООН о геноциде. В Германии глубокая юридическая проработка этого вопроса началась в 1958 году, когда состоялся Ульмский процесс над айнзатцгруппами, и продолжилась в ходе процесса по делу Айхмана в Иерусалиме и Франкфуртских процессов против палачей Освенцима. Но о том, что кара настигла преступников с

большим опозданием, приходится говорить не только в связи с холокостом. Бывший сербский президент Слободан Милошевич, например, предстал перед Гаагским трибуналом лишь в апреле 2001 года, через два года после предъявления обвинения. Он умер в ходе процесса, в марте 2006 года. Радован Караджич, один из главных организаторов массовых убийств в Сребренице, был привлечен к суду лишь в июле 2008 года.

«Запоздавая справедливость — это отсутствие справедливости» — этот принцип почти дословно был закреплен еще в Великой хартии вольностей 1215 года. Наказание за

Появление в зале суда престарелых преступников вызывает скорее сочувствие, чем возмущение

преступления по прошествии длительного срока с момента их совершения сопряжено с рядом сложностей. Большая часть обвиняемых либо скрылись, либо уже умерли, трудно найти свидетелей, а если и удастся, возникают сомнения в достоверности их воспоминаний. Кроме того, наказание старых и большей частью больных преступников не приносит должного эффекта: их появление в зале суда вызывает скорее

сочувствие, чем возмущение. Тот факт, что в момент совершения преступлений они не были ни немощны, ни достойны сочувствия, отходит на задний план.

В исследовании холокоста большое значение имел анализ исторических фактов. Как и все масштабные преступления, уничтожение евреев скрывали и замалчивали — насколько это было возможно с учетом размаха злодеяний и количества участников. Речь шла о том, чтобы донести до общественности — которая оставалась, в основном, в неведении — весь масштаб геноцида с помощью книг, документаций, фильмов или учебных программ. В 2005 году день освобождения лагеря смерти Освенцим, 27 января, был объявлен Днем памяти жертв холокоста. Тогдашний Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан сказал, что это должно способствовать сохранению памяти, «чтобы не допустить актов геноцида в будущем». Вряд ли мы можем сегодня сказать, что поставленная цель была достигнута. Большинство стран игнорирует День памяти жертв холокоста, а там, где его отмечают, это делается довольно формально.

Музеи и выставки справляются с этой задачей, пожалуй, несколько лучше. Вашингтонский Музей холокоста является самым посещаемым из многочисленных музеев города. Он был открыт 17 лет назад, и за это время его уже посетили 28 миллионов человек. До массовой аудитории дошло лишь несколько книг о холокосте — «Дневник Анны Франк» в этом плане, конечно, исключение, прежде всего благодаря своей доступности для молодого читателя. Успех таких фильмов как «Шоа» Клода Ланцмана (9-часовая документация, основанная на интервью с евреями, пережившими холокост) или «Список Шиндлера» Стивена Спилберга обусловлен тем, что они обращены к эмоциям зрителей. То же самое можно сказать и о фильме «Отель Руанда», который воздействует на людей сильнее, чем любая газетная статья о геноциде народа тутси. Тем не менее, приходится констатировать: чем дальше в прошлое отодвигалась трагедия, тем шире среди людей распространялось равнодушие.

Высокая цель

Предпринимавшиеся после второй мировой войны усилия по недопущению новых актов геноцида, особого успеха не принесли. Международные органы приняли множество соответствующих постановлений; была создана целая новая отрасль науки, посвященная исследованию случаев геноцида, специалисты даже разработали модели условий, ведущих к геноциду. При всей полезности этих мер необходимо все же признать: поставленная цель — научное предсказание актов геноцида — вряд ли была достижима. Конечно, в истории многократно складывались ситуации, в которых геноцид был более

вероятен, чем при иных обстоятельствах. Но пользы от таких констатаций мало. Геноцид происходил в совершенно разных ситуациях и по совершенно разным причинам. Порой ему способствовала идеология, порой властные и экспансионистские устремления.

Малоэффективным оказалось и позиционирование этой молодой отрасли науки. Наряду с либеральной теорией геноцида существует также «критическая», антиимпериалистическая школа, которая основное внимание уделяет злодеяниям колониализма. Но большинство актов геноцида — и прежде всего те, что были совершены в XX веке, — к этой категории не относятся. Как это часто бывает в политологии, из множества фактов выбираются примеры, подходящие к определенной политической концепции, и затем предпринимается попытка выработать на их основе глобальную модель. К тому же исследования геноцида ограничиваются почти исключительно Северной Америкой и, в меньшей мере, Европой. Хотя призывы о необходимости вмешательства слышались со всех сторон, но что касается политической воли к предотвращению или прекращению актов геноцида, то на Западе она была выражена очень слабо, а в Африке или Азии почти совсем не ощущалась.

Почему случаев реального вмешательства было так мало? Конечно, вмешательство означает применение силы — или, по крайней мере, угрозу ее применения. А в соответствии с действующим международным правом применять силу запрещено — если только на это не даст санкцию Совет Безопасности ООН. При этом и без того огромная пропасть между международным правом и политической реальностью стала в последнее время еще шире. В истории ООН было очень мало случаев, когда удавалось договориться о необходимости вмешательства. И даже когда договориться удастся, процесс принятия решения длится, как правило, слишком долго — а в это время каждый день гибнут люди. Если же решение об интервенции принято, не хватает необходимых инструментов для его исполнения или отсутствует четкий мандат. Вооруженные силы ООН создавались не раз, иногда они даже имели солидную численность: силы UNPROFOR на Балканах насчитывали 25 тысяч военнослужащих, а силы UNOSOM в Сомали — 37 тысяч. Полномочия этих вооруженных сил ограничивались, правда, контролем над соблюдением перемирия или предоставлением отчетов в штаб-квартиру ООН — без самостоятельного применения силы. Если страны, в которых они размещались, требовали их вывода, они были обязаны уйти. Нередко силы ООН уходили, когда на них — как это было в Сребренице или Сомали — совершались нападения.

Чтобы интервенции были успешными, полномочия вооруженных сил ООН следует значительно расширить. Необходимо сформировать силы быстрого реагирования, которые не состоят из подразделений, представляющих разные страны, а непосредственно подчиняются ООН. Эти силы должны быть способны разворачиваться в течение нескольких дней, если не часов. Чтобы быть эффективными, они должны включать в себя от восьми до десяти бригад, имеющих соответствующее оснащение и способных действительно предотвращать преступления, а не писать отчеты, когда они уже совершены. Такие силы, разумеется, не смогут противостоять государствам, обладающим сильными армиями — в этом плане не стоит строить никаких иллюзий. Когда шли переговоры о создании вооруженных сил ООН, несколько стран заняли блокирующую позицию, которая не позволила осуществить эти планы. Можно предположить, что ситуация изменится лишь тогда, когда менее крупные государства или даже негосударственные группировки получат в свое распоряжение оружие массового поражения и даже применят его. Возможно, лишь после какой-то крупной катастрофы

Цель — научное предсказание актов геноцида — вряд ли была достижима

возникнет общая воля к предотвращению новых катастроф.

Если рассмотреть случаи, когда ООН дала санкцию на вмешательство, то обнаруживается схема, вызывающая беспокойство: объектом интервенции не стало ни одно понастоящему сильное государство, ни одно более слабое, но включенное в альянсы вроде Организации Исламская конференция (ОИК), а также ни одно из государств, которые являются стратегически важными благодаря имеющимся у них ресурсам. Под прицел ООН попадали, как правило, небольшие, слабые, изолированные страны.

Это не удивительно. Во многих языках есть поговорки вроде «маленьких ловят, а больших отпускают», и в этом тоже есть определенная логика. Здесь можно было бы заметить, что лучше вмешиваться редко, чем никогда. Можно было бы, конечно, смириться с тем, что в международном праве нет – и в будущем не будет – равных прав для всех, если только в мировой системе не произойдет коренных перемен. До сих пор, правда, еще никто не отважился открыто это признать.

Слишком мало, слишком поздно

Самые кровавые акты геноцида в период после второй мировой войны совершались в Африке и Азии. Некоторые из них хорошо известны, хотя преступления совершались, как правило, в отдаленных местностях, связь с которыми была сильно затруднена. Так, в 1972 году в Бурунди армия – как предполагается, целенаправленно – уничтожила от ста до трехсот тысяч представителей народности хуту. В Камбодже при правительстве Пол Пота с 1978 по 1979 год «красные кхмеры» уничтожили от 1,5 до 2,5 миллионов человек, которых они как «буржуазных врагов» сначала депортировали из городов и поместили в концлагеря. Широкую известность приобрел геноцид в Руанде, когда в 1994 году хуту убили от 800 до 900 тысяч представителей народа тутси. В суданской провинции Дарфур в ходе военных действий против различных повстанческих группировок арабские боевики, которых поддерживало правительство в Хартуме, убили, предположительно, около 200 тысяч человек. Другие акты геноцида ускользнули от внимания общественности либо были преданы забвению. Речь идет, например,

Конечно, можно было бы, смириться с тем, что в международном праве нет равных прав для всех

о целенаправленном уничтожении представителей бенгальской элиты пакистанскими военными в ходе войны, которая привела в 1971 году к независимости Бангладеш от Пакистана, или о резне среди курдского населения, проводившейся с 1986 по 1988 год с благословения иракского диктатора Саддама Хусейна. В то же время гражданская война в бывшей Югославии, несмотря на меньшее количество жертв, привлекла к себе гораздо больше внимания, поскольку эти события происходили, образно говоря, на «заднем дворе» Европы.

Было всего несколько случаев осуществления интервенции и наказания виновных. Под эгидой ООН были созданы: в 1993 году Международный трибунал по бывшей Югославии в Гааге и в 1994 году Международный трибунал по Руанде в Аруше (Танзания). Последним трибуналом на данный момент был осужден 31 преступник – весьма скромный итог с учетом огромного количества жертв. Многим зачинщикам резни удалось скрыться. Процессы против лиц, несущих ответственность за геноцид в Камбодже, начались лишь через тридцать лет после массовых убийств, сам Пол Пот избежал суда. Он был схвачен приближенными и осужден к пожизненному домашнему аресту, после того как он приказал убить своего заместителя. Пол Пот умер в 1998 году накануне своей выдачи правосудию. Саддам Хусейн после американского вторжения в 2003 году был схвачен, осужден иракским судом к смертной казни за преступления против

«Запоздалая справедливость – это отсутствие справедливости»: Радован Караджич, один из главных организаторов массовых убийств в Сребренице, был привлечен к суду лишь в июле 2008 г. © picture-alliance/dpa

человечности и казнен в декабре 2006 года. Многие ведущие политики в арабском мире, в Европе и других регионах мира осудили, однако, эту казнь – одни, потому что вообще выступали против смертной казни, другие – из-за негативного отношения к судебному процессу, из-за симпатий к Саддаму или из-за осуждения войны в Ираке.

Многим массовым убийцам вообще удалось избежать наказания. Эфиопский диктатор Хайле Мариам Менгисту, к примеру, которого эфиопский суд в 2006 году осудил, в частности, за геноцид, спокойно живет в Зимбабве и, очевидно, не будет выдан правосудию. Иди Амин, жертвами правления которого в Уганде с 1971 по 1979 год стали от 250 до 500 тысяч человек, нашел убежище в Джидде (Саудовская Аравия), где и умер в 2003 году. В одном-единственном случае международный трибунал выдал ордер на арест правящего главы государства: в июле 2008 было решено привлечь к ответственности президента Судана Омара Хасана Ахмада Башира. Это решение, однако, не имеет практического значения, пока Баширу оказывают поддержку Лига арабских государств и Африканский союз.

Итак, есть ли надежда на то, что в ближайшем будущем будут приняты более эффективные меры по предотвращению геноцида? Шансов здесь мало: состав Совета ООН по правам человека особого оптимизма не внушает. Он представляет интересы преимущественно недемократических государств, которые, с одной стороны, стремятся осудить и наказать собственных политических противников, а с другой – оградить от преследований тех членов Совета, которые сами являются преступниками. Эта позиция вновь проявилась в связи с событиями в Дарфуре. Треть членов этой группы входит в состав Организации Исламская конференция, которая настаивает на том, чтобы правовая система этих стран оставалась неприкосновенной и не подвергалась никакому контролю или вмешательству извне. Пока что Совет успел уделить серьезное внимание одной-единственной стране – Израилю. Если все преступления против человечества и в самом деле были совершены в одной-единственной стране мира, то мы, наверное, уже можем говорить о наступлении настоящего рая на Земле.

Региональный подход вместо колониального

Представители западных демократий на переговорах с другими государствами часто поднимают тему прав человека. Эти заявления, конечно, похвальны, но, тем не менее, уже успели превратиться в ритуал. Ведь, в конечном счете, они не отменяют политику *«as usual»*. Снабжение Европы энергетическими ресурсами по-прежнему зависит от

Пустые угрозы: ордер на арест президента Судана Омара Хасана Ахмада Башифа не имеет практического значения, пока Башифу оказывают поддержку Лига арабских государств и Африканский союз. © picture-alliance/dpa

Ближнего Востока и России. Запад не хочет также портить свой внешнеторговый баланс с такими странами как Китай. Как отмечает уполномоченный по правам человека Федерального правительства Германии Гюнтер Нооке, число стран, соблюдающих права человека, сократилось при общем ослаблении позиций Америки и Европы в мире. Что же могут предпринять государства, которые (теперь уже) не в состоянии добиться выполнения своих требований? Простого ответа на этот вопрос не существует. Замалчивание фактов было бы ошибкой. Публичное осуждение преступлений, возможно, имело бы определенный сдерживающий эффект. Но пустые угрозы контрпродуктивны, они лишь способствуют распространению политического цинизма. Было бы намного разумнее стремиться к тому, чтобы региональные организации занялись предотвращением или прекращением актов геноцида – в Африке, например, эту функцию мог бы на себя взять Африканский союз. Это было бы полезно хотя бы уже в том плане, что утратили бы смысл постоянные сетования на вмешательство «империалистов» и «колониалистов». Конечно, тут можно возразить, что даже сама Европа оказалась не в состоянии собственными силами положить конец геноциду на Балканах. Тем не менее, о новом подходе стоит задуматься: передача ответственности на уровень региональных организаций, во всяком случае, никак не помешала бы осуществлению нынешних мер. Не исключено, что такая смена акцентов подтолкнет африканские и азиатские организации к тому, чтобы постараться обеспечить хотя бы минимум безопасности и порядка на своих континентах. В любом случае имело бы, наверное, больше смысла полагаться на собственную заинтересованность таких стран, чем на чисто гуманитарные соображения. Обеспечить мир на Земле таким путем вряд ли удастся, но вполне возможно, что в некоторых случаях удастся предотвратить самое худшее. ■